

ОТЗВУКИ СОБЫТИЙ

21 февраля 2024 г. прошла VII ежегодная научная видеоконференция **«Человек как существо природное, социальное, экзистенциальное: “болевые точки” философской антропологии» (памяти Павла Семёновича Гуревича)**, организованная сектором истории антропологических учений Института философии РАН (г. Москва) и факультетом социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород). В этой рубрике мы публикуем тезисы докладов участников этой конференции.

Алексей ФАТЕНКОВ

Доктор философских наук,
профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии.
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского.
603022, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
профессор кафедры социально-гуманитарных наук.
Приволжский исследовательский медицинский университет.
603005, Российская Федерация, Нижний Новгород,
пл. Минина и Пожарского, 10/1;
e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

НА РАСПУТЬЕ: ТРАГИКОМИЧНЫЙ КАДР СЕРИЙНОЙ ДЕГУМАНИЗАЦИИ

В соотнесении с семантикой слова «распутье» осмысливается современная мировоззренческая ситуация. В центре внимания проблемы гуманизма и дегуманизации. В целом защищая гуманистическую позицию, автор указывает на её слабое

звено: гуманизм не избежал соблазна идеей бессмертия, при том что проект бессмертия неуклонно ведёт к деиндивидуализации и, стало быть, к дегуманизации.

Ключевые слова: гуманизм, распутье, бытийная сосредоточенность, экзистенциальный выбор, бессмертие, вечность, безоценочное безвременье, жизнь, смерть, дегуманизация

Русское слово «распутье» одного корня с «распутицей», «распушенностью» и «распутством». Все эти лексемы несут в себе вполне определённую смысловую нагрузку. Все они указывают на утрату человеком (или ландшафтом) бытийной сосредоточенности. Та по своему характеру и по своей стилистике бывает разной. Предельно ценна в этом спектре парадоксальная *раскованная сосредоточенность* (наблюдаемая, скажем, у спортсменов экстра-класса). Её утрату не компенсировать ничем.

В «распутице» сквозит онтологическая амбивалентность бездорожья: и сам куда-то пробираешься с трудом, и недругам добраться непросто. «Распушенность» и «распутство» переполнены вульгарно-рыхлым, негативным по онтологическим меркам содержанием. «Распутье» пронизано недоопределённостью – от трагичной до трагикомичной – текущего момента и возможных перспектив.

Подлинно трагично распутье, отождествляемое с экзистенциальным выбором, когда ни один из возможных путей не спасает от невозполнимых и соизмеримых по весу потерь, а в более суровой версии – когда и пути-то не проторены. Иллюстративен случай с васнецовским витязем. В итоговой версии картины художник не использует образ дороги и оставляет только часть надписи на вещем камне. Назад, в былинные с непоколебимыми устоями времена всаднику не вернуться. Прямо пойдёт – жизнь потеряет. Свернёт направо-налево – живописец прячет судьбоносные указания – окажется под угрозой женитьбы или обзаведения деньгами, что для воина-монаха сродни умопомрачению.

Трагикомично (вплоть до трагифарса) распутье, имитирующее экзистенциальный выбор. Когда пути, альтернативные следуемому, заведомо проигрышны по существу, но соблазнительны по конъюнктуре. С подобной ситуацией сталкивается нынешний человек. Ему наряду с усердно критикуемой гуманистической стратегией предлагают на выбор две другие, активно рекламируемые: транс- и постгуманистическую. Однако серьёзно рассматривать их равновеликими гуманизму, при всех теоретических и практических огрехах последнего, – значит выставить себя на посмешище, перестать уважать себя.

Конечно, ответственность за сложившееся положение дел отчасти несёт и сам гуманизм, не исключивший из своего проекта пункт о возможном обретении человеком бессмертия. Не справившись с задачей искоренить, окончательно победить смерть, – а человеческим способом эту задачу не только не решить, но и ставить-то опрометчиво, – гуманизм передал эстафету в руки и головы тех, кто явно и неявно играет на страхе смерти.

Трансгуманизм обещает физико-техническое бессмертие. Постгуманизм намеревается умалить идентификацию смерти умалением всех прочих идентификаций.

Душа гуманизма, соглашусь с Аурелио Печчеи, «в целостном видении человека во всей его конечности...» [4, с. 183]. Конечность и означает – в частности или даже прежде всего – неустранимую смертность. Биология, словами И.И. Шмальгаузена, безапелляционна: 1) живые существа «с вполне стойкой активной индивидуальностью» обречены на гибель; 2) «смерть есть плата за приобретение высшей индивидуальности с длительным существованием»; 3) «если не смерть, то иные причины ведут к потере индивидуальности» [8, с. 80–87]. Пункт третий включает в себя уже не сугубо биологическое содержание, в нём заметно нарастают собственно антропологические интенции. В самой тревожной из них обнаруживаем взаимосвязь планов по обретению бессмертия с поощрением процесса деиндивидуализации.

Таков, к примеру, пафос ранних работ Андрея Платонова, озабоченного в ту пору кардинальным переустройством природы, общества и человека. Он декларировал: «Жизнь человека слишком коротка, чтобы могло в неё вместиться какое-нибудь великое деяние. <...> Человек ещё не очень любит жизнь, потому не знает, что для совершения великого деяния нужно бессмертие, для неугасимого восторга жить и любить мало веков и тысячелетий – нужна вечность» [1, с. 69]. Юношеский сверхоптимизм стимулирует поспешное уравнивание вечности с бесконечно (сколь угодно долго) длящимся временем. Но это чистой воды редукция. Вечность неизменна и никак не нуждается во времени. *Вечность* – это *безоценочное безвременье*. Атрибут сущего, отличающийся вневременным нейтралитетом. Стояние «по ту сторону добра и зла» (поклон Ницше-метафизику!). Вечные радости и вечные муки суть религиозные спекуляции, не более. У «вечного настоящего» квазирелигиозная подоплёка: вневременное состояние предполагает наличие вневременного верификатора.

В вечности великое качественно не отграничить ни от мизерного, ни от смешного. Значимо там не содержание единицы сущего, а её масса и объём. В согласии с чем строит планы и «ранний» Платонов: «Смерть – личности, жизнь и свобода – организованным массам» [1, с. 216]. И ведь не коллективный гуманизм, будь он даже возможным при расправе с личностным началом в индивиде, выставляется финальной целью. Та куда претенциознее: создание на земле нового существа невиданной силы, окончательно победившего смерть (см.: [1, с. 71–73]). Перед нами трансгуманизм в чистом виде. Отрицание всякой положительной ценности в смертности человека. Пройдёт всего полтора десятка лет, и, надо отдать должное, писатель заметно переменит позицию. В романе «Счастливая Москва» смерть не подвергается уже тотальному обесцениванию, она парадоксальным образом сопрягается с жизнью: «...самое живое появляется в момент последнего дыхания...» [5, с. 33].

Ситуация трагична... и исключительно человечна. Экзистенциальный психолог Ролло Мэй справедливо подчёркивал, что «ощущение трагедии является просто другой стороной веры человека в великость человеческой личности» [3, с. 64]. Право на трагедию – неотъемлемое право ответственно и натурно (без умаления природы) мыслящего существа.

Гуманизм сродни натурализму. Жизнь и смерть, неразрывно связанные друг с другом, «укоренены в сексуальности» [2, с. 56]. Защищая это положение, В.А. Кутырёв жёстко прошёлся в своё время по асексуальности фёдоровского «общего дела». Полемизируя с Владимиром Александровичем по ряду мировоззренческих проблем, держался и держусь одного с ним взгляда на иммортализм, включая, безусловно, спекуляции Н.Ф. Фёдорова (см.: [6].) Действительно, престранный проект (см.: [7]). Планируется воскрешение «отцов». О воскрешении женщин речь не идёт. Женщины Фёдорову не нужны (ночь ведь можно провести в библиотеке, в обнимку со стопкой книг). Не нужны тогда, стало быть, и мужчины. Рождение детей, «естественно», проектом не предусмотрено. В итоге: вместо почитания отцов – карикатура на них (изошрённая месть байстрюка?); вместо радости новой жизни – «стыд рождения»; вместо трагедийного отношения к смерти – механистические потуги в трясине страха. Смесь транс- и постгуманистических увещаний.

Смерть беспощадна... и гуманна. Она прекращает страдания. Устанавливая временной предел радостям, она по максимуму повышает их жизненный градус. У бессмертного существования нулевой градус. Оно полностью исключает риск. В остатке – скука смертная и тотальная несвобода. Подневольный труд по себе. Творить сверх себя способно только смертное существо. Оптимистическая трагедия – атрибутивная черта гуманизма. Иммортологическая ретушь человеческого существования трагикомична и маскаратно услужлива в отношении актов дегуманизации.

Список литературы

1. Красный Платонов: сб. статей. М.: Common place, 2016. 280 с.
2. Кутырёв В.А. Человеческое и иное: борьба миров. СПб.: Алетейя, 2009. 264 с.
3. Мэй Р. Человек в поисках себя / Пер. с англ. А. Багрянцевой. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2014. 224 с.
4. Печчеи А. Человеческие качества / Пер. с англ. О.В. Захаровой; общ. ред. Д.М. Гвишиани. М.: Прогресс, 1980. 304 с.
5. Платонов А.П. Счастливая Москва // Новый мир. 1991. № 9. С. 9–76.
6. Фатенков А.Н. В споре о человеческом уделе: феноменологический реализм против постмодернизма (Полемика отклик на монографии В.А. Кутырёва) // Философия и культура. 2010. № 6 (30). С. 97–105.
7. Фёдоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.
8. Шмальгаузен И.И. Проблема смерти и бессмертия. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 91 с.

ECHOES OF THE EVENTS

Aleksey Fatenkov

DSc in Philosophy,
Professor, Department of Industry and Applied Sociology.
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation;
Professor, Department of Social and Humanity Sciences.
Privolzhsky Research Medical University.
10/1 Minin Sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation;
e-mail: fatenkov@fns.unn.ru

AT A CROSSROADS: A TRAGICOMIC SHOT OF SERIAL DEHUMANIZATION

In correlation with the semantics of the word “crossroads”, the modern worldview situation is conceptualized. The problems of humanism and dehumanization are in focus. While defending the humanist position in general, the author points out its weakness: humanism has not been able to escape the temptation of the idea of immortality, although the project of immortality steadily leads to de-individualization and thus to dehumanization.

Keywords: humanism, crossroads, existential concentration, existential choice, immortality, eternity, nonjudgmental timelessness, life, death, dehumanization

References

1. Fatenkov, A.N. V spore o chelovecheskom udele: fenomenologicheskii realizm protiv postmodernizma (Polemicheskii otklik na monografii V.A. Kutyreva) [On the Dispute of Human Disting: Phenomenological Realism against Post-Modernism (Polemic Response to V.A. Kutyrev's Monographs)], *Filosofiya i kul'tura*, 2010, No. 6 (30), pp. 97–105. (In Russian)
2. Fedorov, N.F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl' Publ., 1982. 711 pp. (In Russian)
3. *Krasnyi Platonov* [Red Platonov]: Articles. Moscow: Common place Publ., 2016. 280 pp. (In Russian)
4. Kutyrev, V.A. *Chelovecheskoe i inoe: bor'ba mirov* [Human and Other: The Struggle of the Worlds]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2009. 264 pp. (In Russian)
5. May, R. *Chelovek v poiskakh sebya* [Man's Search for Himself], trans. A. Bagryantseva. Moscow: Institute of General Humanitarian Research Publ., 2014. 224 pp. (In Russian)

6. Peccei, A. *Chelovecheskie kachestva* [The Human Quality], trans. O.V. Zakharova; ed. D.M. Gvishiani. Moscow: Progress Publ., 1980. 304 pp. (In Russian)
7. Platonov, A.P. *Schastlivaya Moskva* [Happy Moscow], *Novyi mir*, 1991, No. 9, pp. 9–76. (In Russian)
8. Shmal'gauzen I.I. *Problema smerti i bessmertiya* [The Problem of Death and Immortality]. Moscow, Leningrad: GIZ Publ., 1926. 91 pp. (In Russian)